

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**ЯЗЫК ПОЭЗИИ ВАДИМА РАБИНОВИЧА:
ФЕНОМЕН ВСЕМИРНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ**

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, О.Ю. Рождественская³

*Дударева Марианна Андреевна, доктор филологических наук,
доктор культурологии, профессор кафедры общей и славянской филологии
Института славянской культуры
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru*

*Рождественская Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов
E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com*

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 03.08.2024

Объектом исследования выступает феномен всемирной отзывчивости, проявившийся в русской художественной культуре. Предметом научной работы являются образные реализации этого феномена в современной поэзии. Материалом для статьи послужила поэзия культуролога, философа и поэта Вадима Львовича Рабиновича, а именно его поэтическая подборка из литературного и общественно-политического журнала «Дружба народов». В центре герменевтического анализа — образные реализации феномена всемирной отзывчивости в поэтической подборке поэта, в которой проявились восточно-европейская и русская культурные традиции, связанные с эйдологией любви и смерти, познанием Другого. Авторы обращаются на типологическом уровне к пушкинскому тексту, взглядам на искусство художников эпохи модернизма. Подробно рассматривается понятие «энтелехия», без которого невозможно совершить методологический прорыв в плане понимания феномена всемирной отзывчивости. Результаты исследования заключаются в выявлении культурфилософского потенциала современной поэзии для дальнейшего изучения проблемы всемирной отзывчивости в русской художественной культуре, ее национальном бытии. Результаты работы могут быть интересны литературоведам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии и философии.

Ключевые слова: русская культура, современная литература, всемирная отзывчивость, танатологический текст, А.С. Пушкин, творчество В. Рабиновича, энтелехия

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-37-43

EDN: KBUWNV

Введение. Всемирная отзывчивость, о которой заявил Ф.М. Достоевский в своей пушкинской речи, теперь воспринимается нами как наша культурно-ценностная константа и, может быть, как архэ нашего космо-психо-логоса: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую

способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейшее, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин» [8, с. 143]. Конечно, некоторые современные критики видят в данном феномене расплывчатость и осуждают классика за это понятие [2], но сегодня, спустя почти 145

лет после произнесения этой речи, мы понимаем аксиологическое и онтологическое значение русской всемирной отзывчивости, которую культурно-философски можно было бы понять через закон энтелихии культуры. И вот почему.

История вопроса. Если художник слова (а в этой статье интересующий нас феномен будет рассмотрен через художественный, литературный срез русской культуры) не способен слышать Другого, не чутко его поэтическое ухо к иным эпохам, то не происходит процесса энтелихии, без которого невозможно подлинное творчество. Об этом подробно писали представители модернизма и символизма. Через имагинативное восприятие жизни древних, во временном отношении далеких культур, писал символист Андрей Белый в трактате «Эмблематика смысла» (1909): «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие» [4, с. 57–58]. Если Греция, Индия, Египет «проносятся» перед глазами художника как имагинации, если его взору доступна работа с этим культурным калейдоскопом, значит, он готов быть всемирно отзывчивым, восприимчивым. По наблюдению современного антропософа Г.А. Кавтарадзе, «Имагинации (от лат. *imago* — “воображение”, “образ”) — это те образы, которые рисует себе сама душа при вступлении в непосредственное соприкосновение с духовной действительностью» (устный доклад Г.А. Кавтарадзе «Путь познания в антропософии». Доклад расшифрован Е. Киселевой по устному выступлению автора, отредактирован Я. Лучшевой и С. В. Пахомовым). Здесь используем понятие «имагинация» в значении проживания высшего образа, заключающего в себе Абсолют культуры, не зрительно, физически, а духовно-душевно (потенциально). В таком аспекте исследовал причину Прекрасного и Красоты еще Дионисий Ареопагит — как движение души по *спирали*, когда божественные знания передаются не умственно и объединяюще, но словесно и изъяснительно [7, с. 321].

О таком имагинативном процессе погружения за ватерлинию Другого писал в 1937 г. и И.А. Бунин в «Освобождении Толстого»: «Некоторый род

людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, “способностью перевоплощаться”, и особенно живой и особенно *образной памятью*. Для того же, чтобы быть в числе таких людей, *надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований* и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его...” [5, с. 50]. И здесь мы имеем право говорить не только об энтелихии русской культуры, но и об энтелихии мировой культуры на русской плодотворной почве, созданной для *цветущей сложности*, выражаясь языком философа К.Н. Леонтьева. Гранями этого феномена, культурной константы русского духа (менталитета) служит, по тонкому наблюдению исследователей, и соборность, и аксиологическая значимость Другого [11, с. 31] (последнее обычно отсутствует в западном дискурсе). Для чего нужно культивировать это качество *всемирной отзывчивости*? В первую очередь, для возможности осуществления человеческого всеединства, которое, видимо, в сегодняшних культурных и политических условиях может выполнить только Россия, только носители русского языка и культуры. Россия, в свою очередь, как литературоцентричная, самая читающая в мире страна, на что указывает хотя бы количество выходящих сегодня толстых литературных журналов («Наш современник», «Москва», «Новый мир», «Юность», «Нева», «Дон» и т. д.), должна сохранить и повысить культуру чтения, через которое происходит осмысление самих себя, своей исторической миссии в глобальных процессах социокультурной интеграции народов. Для этого необходимо развивать те опорные динамические линии в культуре, выражаясь языком С.С. Аверинцева [1, с. 227], которые начертал нам А.С. Пушкин. Сохранились ли эти линии в современной поэзии? Задача данной статьи — ответить на этот вопрос, обратившись к творчеству культуролога, философа и поэта Вадима Рабиновича (1935–2013).

Методы исследования. З.Ю. Окорокова (Алькаева) в статьях, посвященных наследию ученого, философа и поэта Вадима Львовича Рабиновича, справедливо отмечает: «В. Рабинович ставил перед собой серьезную герменевтическую задачу

интерпретации и освоения футуристических текстов. При этом он уверял, что наука должна быть веселой...» [12, с. 85]. Здесь перед нами открывается тип ученого, способного к пушкинской *всемирной отзывчивости*, который необходим сегодня гуманитарной науке. В. Рабинович имел редкую способность перевоплощаться, то есть переживать стиль мышления Другого (в его случае поэта-футуриста Велимира Хлебникова). Однако из приведенной цитаты нас также интересует вторая часть замечания о том, что «наука должна быть веселой». Конечно, под весельем здесь понимается не шальная обыденная глупость, дурачество, а ритуальный хаос наивысшего порядка, который ученый преодолевает, создавая из него стройный космос. Об этом и известное стихотворение В. Хлебникова «Заклятие смехом». Речь идет об агональных отношениях с художественным текстом, о его заклинании смехом, который, по тонкому наблюдению О.М. Фрейденберг, все-

гда выполняет космогонические функции оплодотворения: «Смех зарождает плод в земле и в чреве, и акт улыбки повторяет момент еды» [15, с. 105]. Если перевести этот сакральный философский язык на научный, то придем к поразительному и одновременно простому выводу: научный текст должен быть живым, не выхолощенным, экзистенциально наполненным, и только тогда мы сможем противостоять глобальной цифровизации. А это значит, что ученый-филолог должен учиться всемирной отзывчивости, желать двигаться навстречу Другому, как это делал В. Рабинович, к герменевтике поэтической подборки которого мы обратимся.

Результаты исследования. Поэтическая подборка из литературного и общественно-политического журнала «Дружба народов» (2012/6) открывается стихотворением, которое посвящено разным певцам-сказителям, представляющим древнюю мировую культуру:

Аэды — такие гомеры,
Эпические они,
Берут в непогоды кифары,
А лиры в погожие дни.
Акыны — такие казахи,
Взяв гулкие домбры свои
И лихо взбекренив треухи,
Поют себе как соловьи. [14, с. 107]

И мы могли бы обвинить поэта в беспочвенности, в отсутствии скреп с русской культурой, но за

художественным поименованием сказителей, вещей певцов в мировой культуре кроется и обращение к нашей действительности:

Аэды, акыны, ашуги
И все менестрели Земли,
Слагайте романсы для Шаги,
Авдотьи, Мирьям и Лили. [14, с. 107]

Во-первых, народные певцы, представители тюркской культурной традиции (акыны, ашуги), *вдруг* слагают романсы, являющиеся элементом прежде всего европейской и русской музыкальной культуры [3, с. 39]. Во-вторых, среди восточных имен появляется Авдотья, имя греческого происхождения, популярное на Руси, аксиологически значимое для нашей литературы [9]. Таким образом, латентно возникает русский текст в подборке с подзаголовком «Западно-восточное романсеро». Кроме того, к процитированному стихотворению дан эпиграф из стихотворения нашего поэта Сергея Есенина «В Хоросане есть та-

кие двери...» из цикла «Персидские мотивы». Исследователи поэзии начала XX в., писавшие о поэтике А. Блока в связи с исследованием образа Прекрасной Дамы, справедливо указывают на культурную ассимиляцию европейского образа: «Название “Стихи о Прекрасной Даме” — чужеродное, романское, но Блоку чужда мироискусническая ретроспектива, он не поселяет ту, которой поклоняется, ни в Версаль, ни в сады Италии, ни в средневековые замки, стилизация есть только в названии, — Та, Которой имени нет, является ему среди русских полей и лугов, среди таинственной и прекрасной природы, расстилающейся за порогом шахматовского дома» [6, с. 66]. Полагаем, что

подобный процесс художественного освоения чужой культуры, в котором кроется закон и энтелехии, и всемирной отзывчивости, можно наблюдать и в стихах В. Рабиновича. Открывающее

подборку произведение завершается интонацией русского колокольчика:

И первые крупные росы
Подмигивают «Динь-динь»
Под греческие гелиосы
И тюркские луны пустынь. [14, с. 107]

Образ-символ колокола / колокольчика является доминантным для отечественной художественной культуры, в которой он обнаруживает себя и в храмовом комплексе (архитектура), и в поэтическом универсуме (в классических стихах, романах [10]), и в растительном коде нашего космо-психо-логоса в виде простого цветка колокольчика. Здесь позволим себе употребить гачевское понятие «космо-психо-логос», которое, во-первых, точно отражает связь природы, искусства и народа, населяющего данную местность, во-

вторых, оно как нельзя лучше подходит для описания поэтики В. Рабиновича, который хорошо знал и уважал культуролога и философа Г. Гачева [13].

Образ-символ колокольчика архетипичен в русской культуре и связан с эйдологией любви (вспомним хотя бы известный старинный романс «В лунном сиянии»). Эта любовная линия, намеченная здесь пунктирно, продолжается и в других стихах подборки:

Фаготы, и те полюбили
Играть у подножья горы
Все мюзиклы, все водевили
И все золотые шары...

Я праздную мир этот в лицах —
И солнечных, и лунолицых,
С платочками синего ситца —
Всяк дорог мне — этот и тот:
Рожок, колокольчик-бубенчик,
Флажок, вышеназванный Бенчик,
Иван-Барабан и Федот...
Он тоже Фагот еще тот! [14, с. 108]

Здесь снова возникает тема музыки, через которую мы приобщаемся к эйдологии любви. На первый взгляд, происходит обращение к итальянской музыкальной культуре (упоминается инструмент фагот), но лирический герой любит синими ситцевыми платочками, которые явно отсылают к блоковской «России», где плат узорный до бровей спасает в трудные минуты идущего на каторгу человека. В этом *духовном угадании* (понятие символиста К.Д. Бальмонта)

чужого слова и состоит процесс подлинной всемирной отзывчивости, движения навстречу Другому.

В завершающем подборку стихотворении «Если...» с онтологически насыщенным эпиграфом из И. Сельвинского «Если я умру, если я исчезну...» мы вместе с лирическим героем В. Рабиновича лицом к лицу сталкиваемся с Другим, воплощенным в образе случайных прохожих, городских сумасшедших, приносящих на могилу цветы:

И только два-три городских сумасшедших
Начнут приносить городские цветы
И думать о нас, в никуда перешедших,

У клена ли здесь или там у ветлы.

Придут и воскличут в зияние неба,
От мира сего прорываясь вовне,
Вина отхлебнут и отломят от хлеба...
Это ко мне! Это ко мне... [14, с. 109]

Всемирная отзывчивость невозможна без остро развитого ощущения смерти, своей собственной и Другого, поскольку только трансцендирование за пределы собственного «Я» позволяет по-настоящему полюбить и понять Другого, значит, погрузиться в его мир. Танатологический и эротологический (в акмеологическом смысле) тексты в культуре всегда связаны.

Вывод. Мы подходим с новых онтогерменевтических позиций к феномену всемирной отзывчивости, которая проявляется, во-первых, в законе энтелехии мировой культуры, то есть в погружении за ватерлинию национального и инационального бытия, во-вторых, в эйдологии любви и смерти. Всемирная отзывчивость в художественном ее срезе предполагает как способность поэта

к перевоплощению, перенимание эстетической силы прежних эпох и древних культур («не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, в перевоплощении своего духа в дух чужих народов» [8, с. 144]), так и ориентацию на Другого, трансцендирование за пределы собственного «Я». Однако не стоит воспринимать всемирную отзывчивость как слабость характера русского народа, видя в ней только игру, переимчивость, художественный прием, — она является доминантой нашего космо-психо-логоса, плодородной почвой, позволяющей Другому в нашем национальном космосе цвести, но не дикорастущим плющом, а привитым растением, укрепляющим фундамент нашей культуры.

1. Аверинцев, С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы // Развитие личности. — 2018. — № 1. — С. 225–246.
2. Арьев, А. Русская переимчивость как художественный прием [Электронный ресурс] // Звезда. — 2009. — № 7. — URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2009/7/russkaya-pereimchivost-kak-hudozhestvennyj-priem.html> (дата обращения: 03.08.2024).
3. Базилевич, М. В. Романс как феномен отечественной художественной культуры // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 7 (76). — С. 38–45.
4. Белый, А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. — М.: Культурная революция; Республика, 2010. — 527 с.
5. Бунин, И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Воскресенье, 2006. — Т. 8. — 544 с.
6. Гунн, Г. Очарованная Русь. — М.: Искусство, 1990. — 288 с.
7. Дионисий Ареопagit. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. — СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. — 863 с.
8. Достоевский, Ф. М. Пушкин // Русская идея. — М.: Республика, 1992. — С. 136–146.
9. Дударева, М. А. Апофатика смерти в рассказе Б. Зайцева: онтологический и культурологический аспект // Общество. Среда. Развитие. — 2021. — № 1. — С. 98–102.
10. Дударева, М. А. Формула русской жизни в романсе и стихотворении А.К. Толстого «Колокольчики мои...»: культурологический и онтологический аспекты // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2023. — № 52. — С. 39–48.
11. Каланчина, И. Н. Концепт «всемирная отзывчивость» в евразийском культурном пространстве // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. — 2022. — № 1 (6). — С. 29–34.
12. Окорокова (Алькаева), З. Ю. Интертекст как исследовательский эксперимент поэта и культуролога Вадима Рабиновича // Известия Смоленского государственного университета. — 2019. — № 3 (47). — С. 81–100.
13. Рабинович, В. «На данный момент вечности, или Прогулки с Рабиновичем»: [интервью] / В. Рабинович; [беседавал] Ю. Великов // Дети Ра. — 2010. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2010/3/na-dannyj-moment-vechnosti-ili-progulki-s-rabinovichem.html> (дата обращения: 03.08.2024).
14. Рабинович, В. Человек зимы // Дружба народов. — 2012. — № 6. — С. 107–109.
15. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997. — 448 с.

THE LANGUAGE OF VADIM RABINOVICH'S POETRY: THE PHENOMENON OF WORLDWIDE RESPONSIVENESS

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, O.Yu. Rozhdestvenskaya³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology Professor of the Department
of General and Slavic Philology

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Olga Yu. Rozhdestvenskaya, PhD of Philology, Senior Lecturer of the Department Russian
as a Foreign Language for Students of Faculties of Natural Sciences

E-mail: o.rozhdestvo@gmail.com

¹Russian State University named after A.N. Kosygin
Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

³Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The object of the study is the phenomenon of global responsiveness, manifested in Russian artistic culture. The subject of the scientific work is the figurative realizations of this phenomenon in modern poetry. The material for the article is the poetry of cultural scientist, philosopher and poet Vadim Lvovich Rabinovich, namely his poetry selection from the literary and socio-political magazine "Friendship of Peoples". The hermeneutic analysis focuses on the figurative realizations of the phenomenon of global responsiveness in the poet's poetry selection, which manifests Eastern European and Russian cultural traditions associated with the eidology of love and death, knowledge of the Other. We turn to Pushkin's text at the typological level, views on the art of artists of the modernist era. We consider in detail the concept of "entelechy", without which it is impossible to make a methodological breakthrough in terms of understanding the phenomenon of global responsiveness. The results of the study consist in identifying the cultural and philosophical potential of modern poetry for further study of the problem of global responsiveness in Russian artistic culture and its national existence. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of a large dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: Russian culture, modern literature, global responsiveness, thanatological text, A.S. Pushkin, works by V. Rabinovich, entelechy

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-37-43

EDN: KBUWNV

1. Averincev, S. S. Vizantija i Rus': dva tipa duhovnosti. Stat'ja pervaja. Nasledie svjashhennoj derzhavy (Byzantium and Rus': Two Types of Spirituality. Article One. The Legacy of the Holy Power) // Razvitie lichnosti. — 2018. — № 1. — S. 225–246.
2. Ar'ev, A. Russkaja pereimchivost' kak hudozhestvennyj priem (Russian receptivity as an artistic device) [Elektronnyj resurs] // Zvezda. — 2009. — № 7. — URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2009/7/russkaya-pereimchivost-kak-hudozhestvennyj-priem.html> (data obrashhenija: 03.08.2024).
3. Bazilevich, M. V. Romans kak fenomen otechestvennoj hudozhestvennoj kul'tury (Romance as a phenomenon of domestic artistic culture) // Evrazijskij sojuz uchenyh. — 2020. — № 7 (76). — S. 38–45.
4. Belyj, A. Sobr. soch. Simvolizm. Kniga statej (Collected Works. Symbolism. Book of Articles). — M.: Kul'turnaja revolyucija; Respublika, 2010. — 527 s.
5. Bunin, I.A. Poln. sobr. soch.: v 13 t. (Complete Collected Works: in 13 volumes). — M.: Voskresen'e, 2006. — T. 8. — 544 s.
6. Gunn, G. Ocharovannaja Rus'. (Enchanted Rus'). — M.: Iskusstvo, 1990. — 288 s.
7. Dionisij Areopagit. Sochinenija. Tolkovanija Maksima Ispovednika (Works. Interpretations of Maximus the Confessor). — SPb.: Aletejja; Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2002. — 863 s.
8. Dostoevskij, F. M. Pushkin (Pushkin) // Russkaja ideja. — M.: Respublika, 1992. — S. 136–146.
9. Dudareva, M. A. Apofatika smerti v rasskaze B. Zajceva: ontologicheskij i kul'turologicheskij aspekt (Apophatics of death in the story by B. Zaitsev: ontological and cultural aspects) // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. — 2021. — № 1. — S. 98–102.
10. Dudareva, M. A. Formula russkoj zhizni v romanse i stihotvorenii A.K. Tolstogo «Kolokol'chiki moi...»: kul'turologicheskij i ontologičeskij aspekt (Formula of Russian life in the romance and poem by A.K. Tolstoy "My bells ...": cultural and ontological aspects) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. — 2023. — № 52. — S. 39–48.

11. Kalanchina, I. N. Koncept «vsemirnaja otzyvchivost'» v evrazijskom kul'-turnom prostranstve (Concept of "global responsiveness" in the Eurasian cultural space) // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii. — 2022. — № 1 (6). — S. 29–34.
12. Okorokova (Al'kaeva), Z. Ju. Intertekst kak issledovatel'skij jeksperiment pojeta i kul'turologa Vadima Rabinovicha (Intertext as a research experiment of the poet and cultural scientist by Vadim Rabinovich) // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 3 (47). — S. 81–100.
13. Rabinovich, V. «Na dannyj moment vechnosti, ili Progulki s Rabinovi-chem»: [interv'ju] (“At the Current Moment of Eternity, or Walks with Rabinovich”) / V. Rabinovich; [besedoval] Ju. Belikov // Deti Ra. — 2010. — № 3 [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2010/3/na-dannyj-moment-vechnosti-ili-progulki-s-rabinovichem.html> (data obrashhenija: 03.08.2024).
14. Rabinovich, V. Chelovek zimy (The Man of Winter) // Druzhiba narodov. — 2012. — № 6. — S. 107–109.
15. Frejdenberg, O. M. Pojetika sjuzheta i zhanra (Poetics of Plot and Genre). — M.: Labirint, 1997. — 448 s.